Тайна подружки невесты

Автор:
Фиона Харпер

Тайна подружки невесты

Фиона Харпер

Любовный роман – Harlequin #125

Много лет назад юная Джеки узнала, что такое разбитое сердце. Теперь она успешная деловая женщина, но до сих пор не может забыть предательство любимого человека. Неожиданно она узнает, что причиной их расставания была нелепая случайность. Она готова встретиться с Романо и открыть ему тайну, которая не давала ей покоя долгих семнадцать лет…

Фиона Харпер

Тайна подружки невесты

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

«Никто больше не должен читать это письмо, Скарлетт! Передай его лично Романо».

Слова старшей сестры повторялись в ее голове, когда Скарлетт бежала по лесу на окраине Монта-Корренти. Ее длинные темные волосы развевались за спиной на ветру. Джеки пришла бы в ярость, если бы узнала, что она видела листки, покрытые корявыми буквами и пятнами от слез, но один угол клапана конверта не приклеился, а искушение заглянуть внутрь было слишком велико.

Перед тем как пойти на площадь и передать письмо Романо, Скарлетт должна была показать его Изабелле, своей кузине и лучшей подруге. Содержавшаяся в нем тайна слишком важна, чтобы хранить ее одной. Хотя они с Изабеллой ровесницы, ее кузина старшая в своей семье и всегда знает, что нужно делать.

В семье Скарлетт все по-другому. Она младшая из трех сестер и никогда не принимает участия в важных обсуждениях. Она якобы еще мала и ничего не понимает. Она сыта этим по горло. Только потому, что Джеки на четыре года старше, та считала, что Скарлетт должна быть у нее на побегушках. Это несправедливо. Таким образом, на этот раз Скарлетт решила все сделать по-своему, чтобы справедливость восторжествовала. В ее семье и так было достаточно секретов.

Она направилась к реке, текущей у подножия холма. Это было их с Изабеллой любимое место. Обычно они здесь секретничали, когда Изабелле не нужно было присматривать за озорными младшими братьями. В лесу на берегу реки они разводили костер и делали записи в своих дневниках с помощью придуманных ими секретных кодов. Иногда они шептались о Романо Пуччини, самом красивом юноше во всем Монта-Корренти.

С ним была связана еще одна несправедливость. Как только Скарлетт решила, что уже достаточно взрослая, чтобы обращать внимание на мальчиков, и положила глаз на Романо, Джеки, как всегда, ее опередила. Оказывается, Джеки встречалась с Романо уже несколько недель, причем втайне от матери. Изабелла непременно должна была об этом узнать.

Значит, Романо понравилась командирша Джеки! Скарлетт ненавидела ее за это.

Впереди между деревьями виднелось что-то розовое. Это был сарафан Изабеллы. Она уже была на месте. Они заранее договорились о встрече на площади за ресторанами своих родителей.

Когда Скарлетт вышла на берег, Изабелла с любопытством посмотрела на нее. Ее глаза спрашивали: «Что там еще у тебя стряслось?» Приблизившись к кузине, Скарлетт протянула ей письмо.

Закатив глаза, Изабелла взяла конверт, отогнула уголок клапана и извлекла три листка бумаги. Прочитав содержимое первого, она с виноватой улыбкой уставилась на Скарлетт и взволнованно прошептала:

– О боже! Джеки и Романо! Ничего себе.

Скарлетт кивнула. Именно такой реакции она и ожидала. Она сама не могла в это поверить, когда прочитала письмо старшей сестры, адресованное Романо. Признаться, она не понимала всех тонкостей, но уловила суть. Она велела Изабелле продолжать читать.

Ту не надо было долго упрашивать. Сев на камень, она так и сделала, время от времени останавливаясь и прося Скарлетт разобрать почерк Джеки.

Закончив, она подняла голову. На этот раз никаких виноватых улыбок и суеты. Ее лицо было серьезным, и внутри у Скарлетт все упало.

– Что ты собираешься делать? – спросила ее Изабелла.

Она нахмурилась:

– Разумеется, передам его Романо.

Изабелла покачала головой:

– Ты не можешь этого сделать. Ты должна показать его тете Лизе.

Скарлетт недовольно фыркнула:

– Ты хоть представляешь, что сделает мама, если узнает? У Джеки будут крупные неприятности.

Изабелла посмотрела на листки бумаги, которые держала в руке. Она выглядела растерянной.

– Это слишком серьезная тайна. – Она крепче сжала письмо, и бумага хрустнула в ее руке.

У Скарлетт возникло неприятное ощущение. Изабелла ведь этого не сделает, не так ли? Она не могла отдать письмо их с Джеки матери. Но затем она увидела в глазах кузины решительный блеск и поняла, что та собирается взять дело в свои руки.

Если это произойдет, пострадает не только Джеки, но и Скарлетт. Гнев Джеки был не менее ужасен, чем гнев матери.

Скарлетт резко выбросила руку, чтобы схватить письмо. Изабелла ловко увернулась, но ей все же удалось уцепиться за край одного листка. Они начали тянуть его каждая на себя. Изабелла крикнула, что Скарлетт должна его отпустить, потому что она никому ничего не скажет. Но как только до Скарлетт начал доходить смысл слов кузины, Изабелла вдруг отпустила письмо, и розовые листки и конверт оказались в воздухе.

Обе девочки замерли на месте и уставились на части письма, медленно опускающиеся на землю.

Прежде чем они упали, порыв ветра подхватил и закружил один из листков. Скарлетт несколько раз подпрыгнула, пытаясь его поймать, но ей никак не удавалось до него дотянуться. Всякий раз он выскальзывал из ее пальцев.

Закончив собирать остальные части письма, Изабелла тоже принялась его ловить. Ветер стих, и листок начал медленно танцевать в воздухе. Скарлетт снова подпрыгнула и наконец схватила его. В этот момент Изабелла столкнулась с ней, и она упала на мокрую землю. При этом листок выскользнул из ее руки и упал в реку.

Изабелла закричала, но Скарлетт могла только наблюдать за тем, как он намокает и исчезает под поверхностью воды.

Скарлетт поднялась и стряхнула грязь с одежды.

– Прекрати! – приказала она Изабелле, которая начала плакать. Пока та не намочила оставшиеся листки слезами, она выдернула их у нее из руки и попыталась разгладить.

– Не хватает третьей страницы! Третьей! – Она в ужасе уставилась в воду, в которой только что исчез листок.

Ну почему это не могла быть вторая страница с бесконечными признаниями в любви? Романо и не заметил бы ее отсутствия. Как назло, не хватало именно третьей – той, которая содержала самую главную тайну.

– Что будем делать? – тихо спросила Изабелла, вытирая слезы.

Скарлетт покачала головой:

– Я не знаю.

Ледяной ужас, сковавший ее тело, неожиданно расплавился в нахлынувшем на нее гневе.

Это Джеки во всем виновата! Почему она сама не могла отдать письмо Романо? Почему она попросила свою младшую сестру? Разве она не понимала, что это было глупо? Ведь все вокруг только и говорили, что на Скарлетт ни в чем нельзя положиться.

Поджав губы, Скарлетт посмотрела на Изабеллу:

– Мы не можем отдать Романо письмо в таком виде. – Джеки придется самой проделать грязную работу и все рассказать Романо. – Она меня убьет, если узнает, что я натворила. У нас есть только один выход.

Изабелла снова зарыдала, бормоча, что это она во всем виновата, но Скарлетт ее не слушала. Она медленно подошла к кромке воды и, взяв большим и указательным пальцами один из оставшихся листков, отпустила его. Когда его подхватило течение, за ним последовал второй и конверт. Это выглядело как

мрачная торжественная процедура вроде бросания земли на крышку гроба. В мертвой тишине девочки, задержав дыхание, наблюдали за тем, как река уносит тайну Джеки.

Никто больше не должен читать это письмо, Скарлетт.

Никто и не прочитает.

Глава 1

Система кондиционирования воздуха в лимузине работала безукоризненно, но, когда Джеки смотрела сквозь тонированное стекло на зеленые холмы, виноградники и цитрусовые рощи, ей казалось, что теплое итальянское солнце согревает ей плечи. Это была иллюзия, но к ним Джеки уже привыкла.

Ее возвращение домой тоже было иллюзией. Были громкие возгласы, порывистые объятия, семейные ужины, ее никто ни в чем не упрекал, но все равно она чувствовала настороженность своих родных. Так было всегда. Даже ее сестры и кузина с кузенами, которые не знали ее тайны, подчинялись общей атмосфере, и она позволяла себе держать их на расстоянии. Они ничего не имели против ее попыток строить из себя истинную англичанку, несмотря на то что ее мать была итальянкой. Ее британские корни были единственным, за что она была благодарна своему отцу.

Она не стала заранее предупреждать мать и сестер о своем приезде. Ей нужно было время, чтобы собраться с духом перед встречей с ними.

Два года назад Джеки вернулась в Монта-Корренти после долгого отсутствия. С тех пор она наведывалась сюда только зимой. Летом здесь было потрясающе, но с этим временем года у нее было связано слишком много болезненных воспоминаний. Ее старшая сестра Лиззи назначила свадьбу на выходные в конце июня, и у Джеки не оставалось выбора. Как она ни старалась, ей не удалось полностью освободиться от влияния своей большой итальянской семьи.

Отвернувшись от окна, Джеки взяла с кожаного сиденья рядом с ней последний выпуск журнала «Глосс!». Ее губы изогнулись в довольной улыбке, когда она отметила про себя, что ее сотрудники прекрасно осветили последние тренды сезона. Но именно за это она им и платила и не была готова довольствоваться меньшим.

Одна из страниц завладела ее вниманием. На ней была представлена одежда марки «Пуччини» – одной из ведущих итальянских марок. Джеки не нужно было читать заголовок, чтобы узнать стиль. Знаменитый дом моды успешно укреплял свои лидерские позиции, с тех пор как Рафаэль Пуччини передал руководство отделом дизайна своему сыну Романо. Старший Пуччини явно не прогадал. Романо прекрасно знал женские тела и создавал для них изысканную одежду. Красивую, элегантную, стильную. Долгие годы Джеки боролась с искушением купить что-нибудь из его творений, но прошлым летом поддалась ему. Сейчас это платье висело в глубине ее шкафа. Она надела его всего один раз, несмотря на то что в нем чувствовала себя женственной, сексуальной и уверенной в себе.

Ей было понятно, почему марка «Пуччини» пользовалась таким успехом. Красивый и обаятельный Романо Пуччини умел заставить каждую женщину почувствовать себя Венерой Боттичелли. Разумеется, это тоже была иллюзия. Джеки знала об этом лучше, чем кто-либо другой.

Она нахмурилась, но тут же приказала себе расслабиться. Инъекции ботокса решали проблему мимических морщин, но ей пока не хотелось к ним прибегать. Хотя Джеки Пэттерсон была главным редактором одного из самых популярных лондонских журналов мод, она ежедневно чувствовала конкуренцию в лице более молодых соперниц. В жестоком мире моды так было с любой женщиной старше двадцати двух лет.

Звонок мобильного телефона вернул ее к реальности. Увидев на дисплее имя звонившего, она почувствовала нежелательный прилив адреналина. Ей уже давно следовало научиться спокойно реагировать на это имя.

– Привет, Кейт.

– Привет, Жаклин. Звук собственного имени больно резанул Джеки.

Впрочем, она не заслужила, чтобы эта шестнадцатилетняя девушка называла ее мамой. Возможно, этого никогда не произойдет.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Ты в Италии? – произнесла Кейт после небольшой паузы.

Джеки снова уставилась в окно:

– Да. Двадцать минут назад я покинула аэропорт.

– Мне жаль, что я не смогла поехать с тобой. – В голосе девушки слышалось разочарование.

– Мне тоже жаль, но для решения этой проблемы нужно время. Я пока не могу рассказать о тебе своим родным.

– Они также и мои родные.

Джеки закрыла глаза:

– Я знаю, но ситуация очень сложная. Ты их не знаешь…

– Да, не знаю, но не по своей вине.

Джеки поняла намек Кейт. Да, это была ее вина.

Она всегда это знала. Но ее мать не обрадовалась бы, если бы узнала, что дочь, которую Джеки отдала на усыновление шестнадцать лет назад, недавно ее разыскала и они тайком встречались в Лондоне. Для такой женщины, как Лиза Фиренци, имидж значил все. Беременная дочь-подросток, которая наотрез отказалась назвать имя отца ребенка, не вписывалась в ее безупречную, словно картинка из глянцевого журнала, жизнь.

Когда это случилось, Джеки была даже моложе Кейт. Несколько месяцев ей удавалось скрывать свой растущий живот под бесформенными футболками, но

затем обман раскрылся, и мать отправила ее в Англию.

Пятнадцатилетней девочкой она приехала в Лондон дождливым ноябрьским вечером и долгое время чувствовала себя одинокой и потерянной. Остальным сказали, что она уехала жить к отцу, и это была правда. С ним ее мать рассталась, когда Джеки была маленькой. Лиза Фиренци была женщиной свободных нравов и меняла любовников как перчатки. Всех трех своих дочерей она родила от разных мужчин.

Таким образом, взяв сегодня с собой Кейт, Джеки не только привела бы в ярость мать, но и шокировала бы всех остальных. Даже ее сестры Лиззи и Скарлетт не знали о существовании ее дочери. Поэтому ей придется действовать очень осторожно.

На свадьбе Лиззи они впервые за много лет соберутся все вместе. Было бы несправедливо портить сестре праздник бесконечными объяснениями и оправданиями. По отношению к Кейт это тоже было бы несправедливо. Она не могла бросить бедняжку в кипящий котел внутрисемейных разборок.

Джеки медленно вдохнула через нос, как ее учил тренер по пилатесу.

– Я тебя прекрасно понимаю, Кейт, и мне правда жаль. Возможно, в следующий раз.

На том конце линии повисло молчание.

– Ты меня стыдишься, не так ли? – наконец произнесла Кейт.

Джеки резко выпрямилась:

– Конечно нет!

– В таком случае почему ты не даешь мне встретиться с моими тетями и бабушкой?

В этой девочке не было ни капли застенчивости. Она была упрямой, импульсивной, пылкой. Прямо как ее биологическая мать в подростковом

возрасте. Именно из-за этих качеств Джеки в юности наломала столько дров.

– Ты ведь понимаешь, семейные дела очень сложные.

Кейт фыркнула. Нет, она не хотела ничего понимать. У Джеки оставался последний козырь, и она собиралась воспользоваться им прямо сейчас.

– Помнишь, ты рассказывала, что С… э-э… твоя мама расстроилась, когда ты сообщила ей, что хочешь найти свою биологическую мать до того, как тебе исполнится восемнадцать? Тебе было трудно ей об этом сказать, не так ли? Потому что ты не хотела причинять ей боль.

– Да, – произнесла Кейт дрожащим голосом.

– Тебе нужно научиться мне доверять, – она хотела сказать «дочка», но не смогла, – Кейт. Я подготовлю всех к встрече с тобой, и тогда вы обязательно познакомитесь. Обещаю.

Как любая девушка ее возраста, Кейт бросалась в жизнь как в омут с головой. Будущее представлялось ей полным возможностей, манящих, как звезды в небесах. Если бы только Джеки могла заставить ее увидеть, как обманчив их блеск.

При прощании голос Кейт звучал абсолютно спокойно. Кажется, Джеки удалось ее убедить. Захлопнув крышку телефона, она, облегченно вздохнув, откинулась на спинку сиденья.

Она даже не догадывалась, каким трудным будет ее воссоединение с дочерью, хотя ждала его с тех пор, как по достижении двадцатилетнего возраста внесла свои координаты в базу данных, с помощью которых дочь смогла бы потом ее разыскать. Когда Кейт ей впервые позвонила, она почувствовала огромную радость и страх одновременно. Во время их первой встречи под присмотром приемной матери Кейт Сью они обе испытывали неловкость.

На Кейт произвела впечатление спортивная машина и дорогая одежда Джеки. Через несколько недель Сью пригласила Джеки к ним домой и сказала ей, что Кейт ослеплена тем, что ее родная мать Жаклин Пэттерсон, икона стиля. «Не

смей ее подвести», – прочитала Джеки в глазах Сью, когда они пили чай за обшарпанным кухонным столом.

Кейт никогда не будет относиться к ней как к матери. По мере их общения на поверхность стали вылезать вопросы, которые Джеки хотелось оставить в прошлом.

Когда-то давно Джеки сказала своей матери, бабушке Кейт, что тайное рано или поздно станет явным и назад пути уже не будет. Но у Джеки не было другого выбора. Она хотела, чтобы дочь вернулась в ее жизнь, и была готова ради этого пойти на все, несмотря на возможные трудности.

Лимузин сделал поворот, и у Джеки захватило дух. Вдалеке показался Монта-Корренти, красивый поселок со шпилем церкви и терракотовыми крышами, выглядывающими между холмов. Когда-то он был домом Джеки. Ее единственным настоящим домом.

Не доехав до центра поселка, лимузин повернул налево и направился вверх по дороге туда, где на горном уступе находилась вилла ее матери. Из ее окон открывалась живописная панорама Монта-Корренти, но обособленное местоположение дома не позволяло его обитателям чувствовать себя частью уютного поселка.

Джеки взяла сумку и расправила плечи, когда лимузин заехал в ворота, больше подходящие для тюрьмы,нежели для дома одинокой пожилой женщины.

Романо вышел на террасу полюбоваться садом. Как всегда, там все выглядело безупречно. Романо нравились четкие линии и простые лаконичные формы. Разумеется, подобное совершенство обходилось ему в кругленькую сумму.

Идеальный порядок был не только в саду, но и во всем палаццо Раверно – летнем доме семьи Пуччини. Каждое окно здесь сверкало чистотой, полированные поверхности были начищены до блеска. Этот дом был лучшим местом для того, чтобы спрятаться от городской суеты. Романо так его любил, что жил в нем даже зимой, когда с озера Адрина дул холодный ветер.

Палаццо Раверно было уникальным зданием восемнадцатого века, расположенным на острове в форме вытянутой капли. Не жалея средств, экстравагантный граф Раверно построил в широкой части острова дворец в неоготическом стиле из белого и розового камня. Со своими высокими арками и каменными орнаментами он должен был смотреться нелепо на поросшем лесом острове посреди озера, но почему-то, напротив, стал его украшением. Судя по тому, что Романо знал о графе, это, скорее всего, было случайностью.

Если палаццо был эффектным зрелищем, то сад был настоящим райским уголком. По мере удаления от дворца симметричные клумбы сужались, уступая место каменистым террасам, имитирующим горные склоны, и естественной растительности.

Разве, имея такую красоту, можно было оставаться в четырех стенах? Романо покинул веранду и пошел в глубь сада по тенистой тропинке. Немного постояв у водопада в рокарии, Романо продолжил свой путь. Он не планировал маршрут. Ноги сами несли его. Вскоре он оказался в самой низкой части острова. Здесь было настоящее торжество зелени. Все, начиная от ярких сочных листьев тропических растений и блестящих, словно покрытых воском, темных лиан плюща до ковров мягкого мха на стенах грота, было зеленого цвета.

Одним словом, этот романтический остров был прекрасным местом для свадьбы.

Не его свадьбы, разумеется. При этой мысли Романо улыбнулся. Он сомневался, что наступит день, когда он будет готов посвятить себя навсегда одной-единственной женщине.

На один-два месяца, возможно.

Вздохнув, Романо направился вверх по каменистым террасам к дому. Те дни, когда этот остров был игровой площадкой для богатых бездельников, остались в далеком прошлом. Ему было нужно работать.

Насвистывая, он вошел в свой кабинет на первом этаже и начал готовить бумаги для дневной встречи. Когда работа мужчины связана с одеванием и раздеванием красивых женщин, разве он мог жаловаться?

Не успела Джеки сделать и двух шагов по подъездной аллее, как парадная дверь виллы отворилась и оттуда ей навстречу выбежала ее мать.

– Джеки! Наконец-то!

Что, черт побери, происходит? Мать никогда раньше так не приветствовала ее.

– Ты опоздала!

Лиза Фиренци остановилась в десяти футах от лимузина и уперлась кулаками в бока. При этом жакет ее костюма некрасиво оттопырился у нее на груди. Она окинула дочь взглядом с головы до пят. Джеки ничего не имела против. Она знала, что ее внешность безупречна, но когда-то от критического взгляда матери ее бросало в дрожь.

– Кажется, я не упоминала, когда…

– Девочки приехали больше часа назад, – сказала пожилая женщина. Чмокнув Джеки в щеку, она схватила ее за руку и потащила в дом.

Какие еще девочки?

Джеки решила не напоминать матери, что она не указывала время своего приезда, только дату. Лиза Фиренци во всем любила порядок, и Джеки не позавидовала бы тому бедняге, кто посмел бы нарушить установленные ею правила. Джеки примирилась с тем фактом, что, несмотря на успех, которого она добилась в Лондоне, для своей матери она навсегда останется проблемным ребенком.

Джеки не видела мать почти год. Та нисколько не изменилась. Лиза Фиренци по-прежнему была воплощением природной элегантности. На ней был костюм от Шанель, ее черные волосы были, как обычно, собраны в элегантный узел на затылке.

Из спальни матери доносились оживленные голоса. Открыв дверь, Джеки увидела трех женщин, обсуждавших самый красивый наряд, который она когда-либо видела. Две из них помогали третьей в него облачиться и даже не

заметили прихода Джеки.

Лиззи подняла голову и первая увидела ее. Она побежала к ней в полурасстегнутом платье и заключила ее в объятия.

– Твоя сестра наконец снизошла до того, чтобы явиться на примерку платьев.

Примерка платьев? Неужели та беспокоилась из-за такой мелочи? Неделю назад Джеки послала ей в электронном письме свои мерки. Она была абсолютно уверена, что благодаря регулярным занятиям в спортзале не поправилась ни на грамм.

– Мы все знаем, что Джеки уже давно живет по своему собственному времени.

Понятно. Мать до сих пор злилась на нее за то, что она нарушила ее планы и не приехала вчера. Но вчера она присутствовала на важном показе в Париже, который никак не могла пропустить. Лиза Фиренци как никто другой должна была знать, как жесток мир моды. Одна маленькая оплошность – и твое место под солнцем займет кто-то еще.

Джеки хотелось повернуться и сказать матери, чтобы та не лезла в ее дела, но сейчас для этого было не самое подходящее время. Она не собиралась портить сестре настроение.

– Как же давно мы не виделись, Лиззи! – произнесла Джеки. Слова матери больно ее задели, но она не подавала виду. – Позволь мне тебе помочь.

Она подошла к Лиззи сзади и начала застегивать одну за другой крошечные пуговки, обтянутые тканью. Платье с завышенной талией скрывало беременность Лиззи. Невеста вся сияла. Было ли дело в близнецах, которых она носила под сердцем, или в том, что она была безумно влюблена в своего жениха Джека Льюиса, Джеки не знала. Что бы то ни было, Лиззи выглядела счастливой и довольной как никогда.

– Спасибо. Хорошо, когда в семье есть эксперт в области моды, – произнесла Лиззи, убирая вперед свои длинные темные волосы, чтобы они не мешали сестре.

Похоже, эти крошечные пуговки не закончатся никогда.

– Платье восхитительное, – сказала Джеки, застегнув последние. Она была удивлена тем, что такую красоту сшили всего за несколько недель.

Джеки отошла назад, чтобы полюбоваться сестрой. Изготовить платье, которое не только подчеркивало бы достоинства фигуры, но и соответствовало бы характеру женщины, было под силу только настоящему художнику.

Изабелла и Скарлетт подошли ближе и высказали свое одобрение. Изобразив на лице улыбку, Джеки повернулась, готовясь приветствовать подружек невесты.

Изабелла была первой. Она расцеловала сестру в обе щеки, потрепала ее по руке и сказала, что рада ее видеть. Джеки подошла к младшей сестре. Они расцеловались и обнялись.

После того как Лиззи уехала учиться в Австралию, Джеки и Скарлетт сблизились. Они остались вдвоем, и Джеки почувствовала себя старшей сестрой. Она даже тщеславно полагала, что была для Скарлетт кумиром, образцом для подражания.

Все изменилось тем летом, когда она забеременела. Скарлетт перестала смотреть на нее с восхищением. И немудрено. Разве можно восхищаться человеком, который большую часть дня проводит в слезах и находится в немилости у матери?

Вскоре Скарлетт тоже уехала. Последовав примеру Лиззи, она отправилась в другой конец земного шара к своему отцу. У Джеки не было возможности поговорить с сестрой, объяснить ей все, чтобы она перестала ее стыдиться. Их совместные набеги на кухню «Сореллы» за шоколадным тортом и ночные разговоры по душам остались в прошлом.

С тех пор они редко встречались и почти не разговаривали наедине. Высвободившись из неловких объятий сестры, Джеки окинула ее взглядом. Они не виделись больше пяти лет. Скарлетт почти не изменилась, разве что немного повзрослела и стала еще больше похожа на мать. Ее взгляд был холодным и настороженным, но изогнувшиеся в улыбке губы напомнили Джеки об их детских шалостях.

Разумеется, Лиззи была слишком возбуждена, чтобы заметить напряжение между ее младшими сестрами.

– Давайте, девочки. Теперь ваша очередь. Уверена, на моей свадьбе будут самые красивые подружки невесты.

Скарлетт и Изабелла уже достали из чехлов свои платья, которые ничуть не проигрывали наряду Лиззи. Все платья были фиолетовыми, но отличались друг от друга стилем и фасоном.

Наряд Изабеллы был классическим и женственным, с драпировкой на груди, тонкими бретельками, бантом на талии и пышной юбкой. Платье Скарлетт в стиле тридцатых годов было более строгим. Оно имело глубокий V-образный вырез, и на нем отсутствовали банты и оборки.

Джеки вызвалась им помочь. Она застегивала молнии, пуговицы, зашнуровывала корсеты, расправляла юбки. Когда она закончила, Изабелла передала ей чехол с ее платьем.

Джеки помедлила, прежде чем взять его у кузины. Предложить им со Скарлетт свою помощь было ошибкой. Теперь ей придется раздеваться перед ними. Не зная, что ей делать, она прижала чехол с платьем к груди. Изабелла и Скарлетт уставились на нее в ожидании. К счастью, на выручку ей пришла Лиззи.

– Почему бы тебе не воспользоваться маминой гардеробной? – сказала она, подведя ее к двери в противоположном конце комнаты. – Можешь освежиться под душем, если хочешь.

Посмотрев на нее с благодарностью, Джеки прошла в гардеробную.

Лиззи была единственной, кто знал о ее проблемах с фигурой. Они начались после того, как она родила Кейт. С помощью диеты и физических упражнений ей удалось привести свое тело в порядок до возвращения в Италию. Ее мать была довольна. Она похвалила ее за самодисциплину, когда встретила ее в аэропорту. Но в Италии Джеки столкнулась с серьезной проблемой. В ее родной стране были сильны кулинарные традиции и люди делали из еды культ. Джеки пришлось приложить огромные усилия, чтобы устоять перед всеми этими

вкусными соблазнами. Ей нужно было следить за фигурой, но истинная причина пряталась гораздо глубже. Она искала наказания, искупления вины.

Ей нравилась ее худая угловатая фигура, и в восемнадцать лет она уехала из Монта-Корренти и устроилась работать офис-менеджером в один из лондонских модных журналов. Там она оказалась в своей стихии. Ее новый мир был полон девушек, которые питались одними овощами и постоянно жаловались, что их тонкие как спички бедра были слишком толстыми.

Ей понадобилось немало лет, чтобы признать, что у нее проблемы. Что желтоватый оттенок кожи никак не связан с ее итальянским происхождением. Что впадины на щеках нельзя объяснить хорошим строением лица, и здоровый человек не может с такой легкостью пересчитать свои ребра.

Набрать вес оказалось нелегко, но ей это удалось. Сейчас она гордилась своей фигурой. Большинство женщин ее возраста могли о такой только мечтать. Для поддержания формы она ела только натуральную пищу и занималась с личным тренером четыре раза в неделю.

Хотя Джеки знала, что хорошо выглядит, она не хотела, чтобы ее видели без одежды. Когда Жаклин Пэттерсон шла по коридорам своего офиса в костюме безупречного покроя, ее имя произносили с благоговейным трепетом. Без этой модной брони она становилась беззащитной. Рядовой женщиной за тридцать со следами растяжек и шрамом от кесарева сечения.

Плотно закрыв дверь гардеробной, Джеки сняла льняной брючный костюм и пошла в ванную освежиться. Стоя под душем, она слышала, как ее кузина подробно рассказывала Лиззи и Скарлетт историю своего знакомства с Максом Ди Росси, ее женихом.

Освежившись, Джеки вернулась в гардеробную и достала из чехла свое платье. Какое великолепие! Оно напомнило ей наряды, которые она сшила для школьной постановки «Ромео и Джульетты». У него была пышная юбка и вышитый корсаж с шифоновой драпировкой, переходящей в бретельки. Те, кто недостаточно хорошо разбирался в дизайне одежды, не догадывались, что корсаж так выгодно подчеркивал изгибы женского торса благодаря жесткой внутренней структуре. Они думали, что самую трудную работу сделала природа, а не дизайнер, закройщик и портной. Сняв платье с вешалки, Джеки расстегнула

молнию. Когда она сделала шаг внутрь платья, в дверь постучали.

– У тебя все в порядке? – послышался голос Лиззи.

Джеки улыбнулась.

– Я почти готова! – крикнула она, снимая бюстгальтер, который был здесь совсем не нужен.

Начав застегивать молнию, она поняла, что была права. Платье будет облегать ее фигуру как вторая кожа, и никаких изменений не понадобится.

Неожиданно у нее возникли проблемы с молнией.

– Лиззи? Изабелла? Мне нужна помощь, – позвала она, перекинув вперед через плечо свои идеально прямые волосы.

Дверь щелкнула, и за ее спиной послышались шаги, которые заглушал мягкий ковер.

– Никак не могу застегнуть платье, – пожаловалась она.

Ничего не ответив, вошедший ловким движением застегнул молнию. Посмотревшись в зеркало, Джеки была ослеплена красотой платья и не сразу заметила, что что-то не так.

На пальцах, которые расправляли драпировку корсажа, не было длинных накрашенных ногтей Скарлетт. Беременная Лиззи не могла стоять так близко, а Изабелла была намного ниже ее. Дыхание стоявшего сзади человека согревало ей левое ухо. Там, где его пальцы касались ее обнаженной кожи, ее начинало покалывать.

Когда он закончил свою работу и отошел назад, у Джеки задрожали колени. Даже до того, как она откинула назад волосы и снова посмотрелась в зеркало, она знала, что увидит в нем Романо Пуччини.

Глава 2

Высоко в горах над Монта-Корренти находилась давно заброшенная оливковая роща. На ее краю стоял небольшой каменный дом, о существовании которого все забыли.

Точнее, почти все.

Когда жара начала спадать и яркий солнечный свет уступил место сумеркам, девочка-подросток свернула с главной дороги на грязную колею, ведущую к заброшенному дому. Убедившись, что за ней никто не следует, она радостно заулыбалась и побежала.

У нее были темные волосы почти до пояса и гладкая смуглая кожа. В будущем она обещала стать настоящей красавицей. Добравшись до дома, она села на ступеньки и стала смотреть вниз на поселок. Она была немного взволнована, как будто ожидала чего-то приятного, что случалось не очень часто.

Через десять минут к стрекоту сверчков и шелесту листьев добавился еще один звук. Девочка встала и посмотрела в сторону дороги. Через несколько секунд слабое жужжание, которое можно было принять за шум работающего вдалеке трактора, стало более отчетливым. Зная, что его издает мотор мопеда, она еще шире заулыбалась.

По мере приближения шум становился все громче и вдруг прекратился. Девочка задержала дыхание. Ее терпение лопнуло. Соскочив со ступенек, она побежала. Завернув за угол дома, она увидела бегущего ей навстречу юношу. Его улыбка была такой ослепительной, что могла бы заменить солнце, если бы оно однажды захотело устроить себе сиесту. Девочка замерла на месте и уставилась на него широко распахнутыми глазами.

Наконец он оказался прямо перед ней. Его темные волосы были взъерошены ветром, в серых глазах плясали чертики. Какое-то время они молча стояли друг напротив друга и слушали, как стучат их сердца. Затем он коснулся ее щеки и нежно поцеловал в губы. Вздохнув, она обняла его за шею и ответила на поцелуй. После этого они каким-то образом оказались на ступеньках старого дома. Она сидела, прислонившись к дверному косяку, а он покрывал поцелуями

ее шею.

Затем он немного отстранился, положил руки ей на плечи и посмотрел на нее. Она моргнула, улыбнулась и заглянула в его серые глаза, которые внезапно стали серьезными.

– Я люблю тебя, Джеки, – произнес он, нежно проведя по ее щеке большим пальцем.

– Я тоже тебя люблю, Романо, – прошептала она и уткнулась лицом в его плечо.

Джеки не подозревала, что от удивления можно застыть на месте и лишиться дара речи.

Романо, похоже, таких неудобств не испытывал. Он просто смотрел на нее из зеркала своими светлыми глазами, в которых плясали озорные огоньки.

–Belissima,– произнес он, глядя на платье, но Джеки уловила в его голосе интимные нотки.

Джеки прокашлялась и, обретя наконец дар речи, заговорила по-английски:

– Что ты здесь делаешь?

Романо пожал плечами и сделал неопределенный жест рукой, который был так хорошо ей знаком.

– Пришел посмотреть, подошли ли вам платья, Жаклин.

Она изумленно уставилась на него:

– Этотыизготовил платья? Почему мне никто ничего не сказал?

– А почему кто-то должен был что-то тебе говорить? Все думают, что мы с тобой едва знакомы. Мой отец и твоя мать старые друзья, а твои сестры думают, что

мы встречались от силы несколько раз.

Джеки глубоко вдохнула.

– Верно. – Она нахмурилась. – Но как… Почему ты…

– Когда твоя мать сообщила моему отцу, что Лиззи выходит замуж, он настоял на том, что мы позаботимся о ваших нарядах. Как-никак, мы старые друзья.

Джеки сделала шаг назад и почувствовала, как к ней возвращается уверенность.

– Старые друзья? Нас с тобой вряд ли так можно назвать.

В комнату ворвалась Лиззи, избавив Романо от необходимости на это отвечать. Его глаза блестели, когда Джеки по просьбе Лиззи немного покружилась. Снова встретившись с ним взглядом, она прочитала в его глазах: «Конечно. Не друзья, а любовники».

Джеки захотелось его ударить.

– Какая красота! – воскликнула Лиззи. – Сидит великолепно.

– Я тоже так считаю, – ответил Романо, и Джеки отвернулась, чтобы не сказать ему что-нибудь резкое.

– Выйди покажись остальным. – Схватив сестру за руку, Лиззи потащила ее к Изабелле и Скарлетт. Изабелла пришла в восторг, как и Лиззи, но Скарлетт выглядела так, словно съела фунт лимонов. Что с ней творилось? Неужели она догадывалась?

Эта примерка измотала Джеки. Она обнаружила, что не может отвести глаз от Романо, когда он задумчиво осматривал платье невесты и говорил, где нужно сделать небольшие изменения.

Последние семнадцать лет Джеки старательно его избегала. За все эти годы она ни разу не столкнулась с ним лицом к лицу. Она не ходила на светские мероприятия, куда был приглашен Романо Пуччини.

Разумеется, она не могла пропускать такие важные мероприятия, как лондонская неделя моды, где присутствовали все дизайнеры и представители модных изданий. В таких случаях она заранее изучала план рассадки гостей и выбирала себе место подальше от него.

Но сейчас он застал ее врасплох, и деваться ей было некуда.

По крайней мере, еще минут двадцать. После этого она вряд ли когда-нибудь снова с ним столкнется. Платье сидело на ней идеально. К счастью, ничего не нужно было переделывать.

В комнату вошла ее мать. Улыбнувшись Романо, она расцеловала его в обе щеки и назвала его «очаровательным молодым человеком».

Вот это да! Раньше все было по-другому. Увидев однажды Джеки, разговаривающую с Романо Пуччини, мать ее отчитала и запретила с ним общаться.

– Этот парень настоящая беда, – сказала она. – Прямо как его отец. Ты не должна иметь с ним ничего общего. Если я еще хоть раз увижу вас вместе, ты целый месяц не выйдешь из дому.

Но было уже слишком поздно.

В то лето мать заставила Джеки работать в «Сорелле», чтобы «уберечь от беды». Если бы Лиза Фиренци в то время сама чаще бывала в ресторане вместо того, чтобы поручать все дела менеджерам, она бы знала, что Джеки и Романо встретились несколькими неделями ранее, когда он со своим отцом приходил обедать в «Сореллу».

Разумеется, тогда Джеки не проявляла к нему никакого интереса. Тем летом она много раз видела его на площади. За ним всегда следовала толпа восторженных поклонниц. Как бы ни был привлекателен объект их обожания, она не собиралась к ним присоединяться. Возможно, именно по этой причине Романо ею и заинтересовался. Он был очень настойчив. Когда Джеки заметила, что он больше двух недель не катал других девушек на своей «веспе», она согласилась пойти с ним на свидание.

Ей следовало послушать свою мать. «Яблочко от яблоньки недалеко падает», – говаривала Лиза. Джеки было известно, что ее мать и отец Романо, Рэйф Пуччини, давно друг друга знали, но, только переехав в Лондон и наслушавшись сплетен о старшем Пуччини, она поняла, что их связывало на самом деле. У них был страстный роман!

Джеки посмотрела на Романо и Лизу. Они над чем-то смеялись. Положив ладонь ему на руку, ее мать, смахивая пальцем слезу, назвала его «несносным мальчишкой».

Джеки больше не могла это выносить. Платье, изготовленное Романо, обжигало ей кожу. Пройдя в гардеробную, она быстро переоделась в свой брючный костюм.

«Успокойся, Жаклин. Через несколько минут он уйдет. Тебе не придется его видеть еще семнадцать лет, если ты не захочешь».

Выходя из гардеробной, она услышала обрывок фразы, произнесенной матерью:

– …разумеется, ты должен поехать с нами, Романо. Я настаиваю.

Подняв брови, Джеки посмотрела на своих сестер и кузину. Скарлетт, направлявшаяся в гардеробную, споткнулась на ровном месте. Изабелла лишь пожала плечами, взяла свою одежду и пошла следом за ней.

– Поможешь? – спросила Лиззи, поворачиваясь спиной к Джеки.

Расстегивая пуговицы, Джеки продолжала наблюдать за матерью и Романо, которые в конце концов вышли в коридор, где продолжили болтать и смеяться.

– Что происходит? – тихо спросила она сестру.

Лиззи бросила на нее взгляд через плечо:

– Мама решила, что сегодня вечером мы все вместе ужинаем в ресторане.

Пальцы Джеки задрожали, и она не сразу расстегнула последнюю пуговицу.

– И она пригласила Романо?

Лиззи кивнула:

– Последние несколько лет он проводит много времени в своем палаццо. Он часто приезжает в Монта-

Корренти и посещает мамин и дядин рестораны.

Джеки резко отпрянула, и Лиззи повернулась, чтобы посмотреть на нее.

– Ты против того, чтобы Романо ехал с нами? – спросила она, снимая с плеч платье.

Улыбнувшись, Джеки покачала головой:

– Нет, нисколько.

Она задумчиво посмотрела на дверь, за которой по-прежнему слышались голоса. Была бы ее мать так обходительна с Романо, если бы узнала, что он был отцом ребенка ее несовершеннолетней дочери?

Джеки наотрез отказывалась назвать имя отца ребенка, несмотря на все угрозы и уговоры матери. Ей не хотелось, чтобы все узнали, что мужчина, которому она отдала свою честь и свое сердце, так хладнокровно ее отверг.

Взяв свою сумочку, Джеки направилась к двери. Никто не должен знать, что Романо Пуччини был отцом Кейт.

Отказаться поужинать с пятью красивыми женщинами было бы не только невежливо, но и глупо. Романо Пуччини никто никогда не называл глупым. Легкомысленным и беспринципным – возможно, но только не глупым. Кроме того, он был слишком любопытен, чтобы не принять приглашение синьоры

Фиренци.

За долгие годы у него не было ни одной возможности подобраться так близко к Джеки Пэттерсон. Это было странно, поскольку они вращались в одних кругах. Почему она его избегала? Неужели до сих пор чувствовала себя виноватой в том, как закончился их роман?

Казалось, с того лета прошла целая вечность. Вздохнув, Романо сделал глоток вина, не обращая внимания на шум и суету вокруг.

Джеки Пэттерсон. Она была настоящей красоткой. Длинные темные, слегка вьющиеся волосы, загорелые ноги и не то карие, не то зеленые глаза, полные озорного блеска.

Это было чудесное лето.

Он тогда ошибочно полагал, что влюбился в Джеки. Но ему было всего семнадцать. В этом возрасте легко принять физическое влечение за любовь. Повзрослев, он понял: та история с Джеки была не чем иным, как мимолетной интрижкой с логичным завершением. Наверное, Джеки до сих пор было стыдно за то, как она с ним обошлась.

Она нарочно села с той же стороны стола, что и он. При этом между ними оказалась ее мать. Таким образом, он не мог заговорить с Джеки, чего она, собственно, и добивалась.

Семнадцати лет определенно достаточно, чтобы забыть юношеские обиды. Разве ее нынешнее поведение не было ребячеством? Он никогда бы не подумал, что холеная, уверенная в себе женщина станет прибегать к подобной тактике.

За эти годы Джеки сильно изменилась. Шорты, яркие топы, короткие сарафанчики и шлепанцы уступили место элегантным костюмам безупречного покроя. Даже не зная, кто такая Жаклин Пэттерсон, было нетрудно догадаться, что эта женщина привыкла добиваться поставленных целей. Каштановые и карамельные оттенки в ее идеально прямых мелированных волосах выглядели естественно. Но ему больше нравилось, когда эти волосы были темными и волнистыми. Когда он, лаская Джеки, наматывал на палец непокорные пряди. Когда они атласным покрывалом рассыпались по траве во время их любовных

утех…

Моргнув, он снова переключил свое внимание на еду – равиоли с начинкой из лобстера, фирменное блюдо шеф-повара «Сореллы».

Перед подачей десерта появился жених Лиззи и увел ее. Изабелла тут же извинилась и пошла в соседний ресторан. Затем Лизу позвал менеджер, и она удалилась вместе с ним в подсобное помещение. Таким образом, за столом остались только Романо, Джеки и Скарлетт. Романо отпустил веселый комментарий, глядя в сторону Джеки. Она напряглась.

Так больше продолжаться не могло. Им следовало поговорить, чтобы устранить все разногласия между ними и разрядить обстановку. Он был намерен сделать все возможное, чтобы убедить Джеки, что не обижается на нее. Что она могла вести себя с ним как взрослый человек, невзирая на прошлые ошибки.

Романо долго смотрел на нее в ожидании, пока она не повернула голову и не встретилась с ним взглядом. Он улыбнулся ей.

– Прошло много времени, Джеки.

Ее губы оставались неподвижными, но глаза говорили: «Недостаточно много».

Проигнорировав этот немой ответ, он продолжил:

– Мартовский выпуск «Глосс!» получился особенно удачным. Фотосессия в ботаническом саду просто класс. Прежде я ничего подобного не видел.

Джеки сложила руки на груди:

– Мы не виделись семнадцать лет, а ты хочешь говорить со мной о работе?

Он пожал плечами и перестал улыбаться. Неплохое начало.

– Тебе не кажется, что для обсуждения у нас есть более важные темы?

Положив руку на спинку свободного стула между ними, он повернулся лицом к Джеки:

– Нам ведь нужно было с чего-то начать разговор.

– Нам это правда было нужно?

– Мне это показалось хорошей идеей, – ответил Романо, проигнорировав взгляд, который, наверное, приводил в повиновение не один десяток сотрудников.

Она тоже повернулась к нему лицом. Ее глаза сверкали, и волоски у него на загривке встали дыбом.

– Не смей разговаривать со мной таким снисходительным тоном, Романо. У тебя нет на это никакого права.

Романо открыл рот и тут же закрыл. Этот разговор был для него очень важен, но, к несчастью, они с Джеки общались на разных языках. Он посмотрел на Скарлетт в надежде, что это даст ему хоть какую-нибудь зацепку. Но похоже, та понимала не больше, чем он. Ее лицо было белее мела, руки дрожали. Внезапно она поднялась и быстро пошла к двери. Романо уставился ей вслед.

– Что здесь происходит? – спросил он Джеки.

– Понятия не имею, – спокойно ответила она, словно забыв, что сердится на него.

Романо решил не терять ни секунды и воспользоваться брешью в ее броне. Он протянул руку и накрыл ее ладонь своей.

– Почему бы нам не оставить прошлое в прошлом?

Джеки отдернула свою руку, словно обожглась:

– Слишком поздно. Мы не можем вернуться назад после всего, что случилось.

Вместо того чтобы прийти в ярость, она выглядела очень печальной, и Романо увидел в ней на мгновение упрямую ранимую девчонку, которой когда-то подарил свое сердце.

– Почему нет?

Джеки долго молчала, уставившись на его руку, лежащую на скатерти.

– Ты знаешь почему, Романо, – прошептала она. – Прошу тебя, давай не будем ворошить прошлое.

– Я и не собираюсь его ворошить. Я просто хочу, чтобы мы могли спокойно терпеть друг друга. Ты ведь не хочешь, чтобы мы испортили Лиззи свадьбу, не так ли?

Нахмурившись, она пристально посмотрела на него:

– Какое отношение это имеет к свадьбе Лиззи?

Неужели она ничего не знала? Нежели мать и сестра еще ничего ей не сказали?

– Свадебный прием… В общем, Лиззи захотела устроить его в моем палаццо. Она подумала, что озеро…

– Нет. Это невозможно, – тихо произнесла она, затем поднялась и с гордо поднятой головой вышла из ресторана, оставив его в одиночестве. Другие посетители смотрели на него с любопытством.

Обычно таким образом вечера для него не заканчивались. Красивые женщины не оставляли его одного.

Вернувшись на виллу, Джеки проигнорировала мягкий свет, льющийся из окон гостиной, и направилась в сад, устроенный в виде террас. Она шла мимо фонтанов, лужаек, безупречно подстриженных кустарников в нижнюю часть сада, которая была более дикой и тенистой, нежели остальные.

Там, на краю территории виллы, за которой начиналась долина, росла старая раскидистая ель. Большая часть ее голых нижних сучьев была отполирована детскими ботинками.

Не подумав, что будет с ее белыми льняными брюками, Джеки поставила ногу на обломок нижнего сука и приподнялась. Ее мысли были далеко, но тело помнило последовательность движений. Рука здесь, нога там – и мгновение спустя она уже сидела на трехфутовой высоте и смотрела на темную долину.

Солнце село уже давно, и звезды в синем бархатном небе мерцали так низко, что казалось, до них можно было дотронуться рукой. Вдруг Джеки охватила тоска по дому. Это было бессмысленно, поскольку люди испытывают подобное чувство, когда уезжают из дома, а не когда туда возвращаются. Но этим вечером ничто не имело смысла.

Она ожидала, что Романо будет повзрослевшей копией мальчика, которого она когда-то знала. Умного, уверенного в себе, неисправимого. Но она не думала, что столкнется с такой бесчувственностью.

Закрыв глаза, Джеки попыталась сосредоточиться на прохладном ветерке, ласкающем ей шею и щеки.

Хорошо, что она не поддалась на уговоры Кейт и не взяла ее с собой. Если Романо так спокойно относился к тому, что семнадцать лет назад бросил ее беременную, и предлагал ей вести себя так, словно ничего не произошло, он вряд ли обрадовался бы своей дочери.

Если бы только все сложилось по-другому…

Нет, такие мысли ни к чему хорошему не приведут. Время все расставило на свои места. Романо Пуччини не был создан для семейной жизни.

Тяжело вздохнув, Джеки сбросила туфли и уставилась на свои ноги.

Без поддержки Романо у нее, перепуганной пятнадцатилетней девчонки, не было другого выбора, кроме как подчиниться требованиям матери. Как же глупа она была, когда верила обещаниям Романо. Его рассказам о том, как однажды

они сбегут вместе и их родителям придется смириться с их отношениями. Он говорил, что готов ждать ее целую вечность. В действительности же не прошло и месяца, как он связался с Франческой Гамбарди. Небольшой ссоры оказалось достаточно, чтобы он забыл о своих обещаниях.

Ждать целую вечность? Какая глупость.

Но тогда Джеки была так сильно влюблена в Романо, что вплоть до того дня, когда она отдала свою дочь на усыновление, надеялась, что он передумает. Бессонными ночами она мечтала о том, как он ворвется к ней в дом и скажет, что хочет быть рядом с ней и их ребенком, невзирая на запреты их родителей. Но этим мечтам не суждено было сбыться, потому что Романо Пуччини не нуждался ни в ней, ни в их дочери.

– Джеки?

Голос Скарлетт, донесшийся до нее из темноты, вернул ее к реальности. Джеки улыбнулась. Она никак не могла привыкнуть к австралийскому акценту обеих своих сестер.

– Я здесь, наверху, – ответила она.

– Что ты там делаешь, черт побери?

Подойдя к дереву, на котором сидела Джеки, Скарлетт подняла голову и заморгала. Она только вышла из освещенного дома, и ее глаза еще не привыкли к темноте.

– Присоединяйся ко мне. Отсюда открывается чудесный вид.

– Кому ты это говоришь? – ответила Скарлетт, которая в детстве много раз забиралась на эту ель. – Ты ведешь себя глупо.

«Вполне возможно», – подумала Джеки, но не собиралась никому в этом признаваться. Сложив руки на груди, Скарлетт вперила взгляд в пустоту.

– Ты хочешь сказать, что я выпила за ужином слишком много вина? – спросила она.

Скарлетт еле заметно покачала головой.

– Нет, я хотела тебе сказать не это, – хрипло произнесла она.

Джеки перестала болтать ногами. Этот виноватый вид был ей хорошо знаком. Такой был у Скарлетт всегда, когда она слышала шаги матери за дверью после того, как что-то натворила.

Скарлетт что-то от нее скрывает?

Джеки продолжила изучать лицо сестры, но та быстро отвернулась.

– Мама ждет нас всех в гостиной. Говорит, что у нее есть важные новости о Кристиано. Кажется, он не сможет приехать на свадьбу.

Она ловко спрыгнула на землю и надела туфли. Им следовало подчиниться матери. Лиза Фиренци, наверное, пришла в ярость, когда после разговора с менеджером вернулась в зал и не обнаружила там никого из своих гостей.

Глава 3

Несмотря на поздний час, Романо разделся у бассейна и нырнул в бирюзовую воду. Обычно физическая нагрузка помогала ему расслабиться и прояснить мысли. Но даже проплыв пятьдесят раз туда-обратно, он не смог избавиться от напряжения. Разочарованный, он выбрался из бассейна и, взяв свою одежду, пошел в дом.

Оказавшись в своей спальне, Пуччини открыл окна, и в комнату проник прохладный ночной бриз. Он опустился на кровать, но никак не мог устроиться, что было странно.

Проворочавшись полночи, он в конце концов лег на спину и уставился на чернильное небо за окном. Когда над горизонтом забрезжил рассвет, он бросил все попытки уснуть и, надев шорты, футболку и кроссовки, вышел из дома и побежал по дорожке, огибающей остров по периметру. В детстве он думал, что остров по форме напоминает головастика. Дворец стоял на его широком конце, который находился ближе всего к центру озера. Длинный узкий конец устремлялся к берегу и заканчивался всего в нескольких сотнях метров от него.

Добравшись до «хвоста» острова, Романо сбавил темп, проделал остаток пути и, остановившись в самом конце мыса, посмотрел на поросший лесом берег.

Монта-Корренти находился всего в тридцати километрах к западу за холмами.

Однажды он ждал здесь Джеки. Его отец уехал в Рим то ли по делам, то ли встречаться с женщиной. Они проводили здесь каждое лето, но Рэйф Пуччини часто отлучался, оставляя сына на попечение слуг.

Сначала Романо это не нравилось, но позднее он понял, как ему повезло. Он обладал свободой, о которой большинство подростков могли только мечтать. Не удивительно, что стал сорвиголовой.

Не то чтобы он совершил что-то предосудительное. Он был дерзким, бесшабашным, но закон ни разу не нарушал. Чтобы компенсировать отсутствие матери и свои частые отлучки, отец баловал сына и закрывал глаза на его проступки. В семнадцать лет он, несмотря на уверенность, которую ему давала физическая сила и отцовские деньги, был незрелым юнцом. Ему было слишком легко играть роль избалованного папенькиного сынка, который не проявлял интереса к учебе и не задумывался, что собирается делать со своей жизнью.

Повернувшись, Романо пошел назад в палаццо. Сквозь кроны деревьев была видна квадратная башня, красивая и нелепая одновременно. Романо глубоко вдохнул и выдохнул.

Джеки Пэттерсон не была для него рядовым увлечением, хотя ему было проще думать о ней именно так. Она бросила ему вызов. Изменила его. Хотя их летний роман был коротким, он оставил неизгладимый след в его душе. До сих пор он довольствовался тем, что плыл по течению. Все доставалось ему слишком легко – деньги, популярность, женское внимание. Ради этого он ни разу палец о палец

не ударил.

Встреча с Джеки стала переломным моментом в его жизни. За безразличным видом, с которым она обслуживала его в ресторане своей матери, он разглядел сильную волю, страстность и больше ума, чем было у всех его поклонниц, вместе взятых. Возможно, именно по этой причине он так настойчиво ее добивался.

Хотя Джеки была моложе его на два года, она была гораздо более зрелой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/harper_fiona/tayna-podruzhki-nevesty

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити